

На речке Пряжке

Рассказ о петроградской квартире Александра Блока

В Ленинграде на речке Пряжке, что на улице Декабристов, открыт музей Блока (дом 57, квартира 21). В этом месте 7 августа 1921 года Блок отдал свою душу вечности. Этот год был одним из самых «страшных лет России»: Кронштадтский мятеж, приход нэпа... Кончился голод, пришел в город новый хлеб. Повсюду запестрели холщовые вывески, на которых синими чернилами было написано: «Продукты питания», «Продукты питания»... Открылся университет, открылись школы... Канули в бездну времени пайки, продуктовые карточки. Зазвенели новые червонцы, на которых стояло тавро «Кутлер».

Вскоре после смерти Блока известный литературовед и критик, бывший комиссар Советского правительства по делам печати, в будущем директор Пушкинского Дома Академии наук Павел Иванович Лебедев-Полянский описал свою встречу с Блоком в 1918 году: для него Блок был «непонятный, немного страшный и как будто даже душевно больной человек... Человек русский, настоящий русский, с романтической душой, ищущий высший смысл жизни и революции...».

Дом Блока, его квартира... Здесь он жил с 1912 года по день смерти. В этом доме я впервые побывал более сорока лет тому назад, когда умерла жена поэта Любовь Дмитриевна. Однажды меня, в то время научного сотрудника Пушкинского Дома (Института русской литературы) Академии наук, вызвал к себе в кабинет директор Дома Павел Иванович Лебедев-Полянский и сказал: «Гейченко, вот вам поручение. Идите на квартиру Блока и составьте список всех вещей, которые должны храниться в наших фондах. Идите на Пряжку, там ждет вас представитель финотдела Ленсовета. Не забудьте взять в канцелярии мандат».

Был серый осенний, типичный «петербургский» день. Я подъехал к Офицерской улице. Подошел к дому. В квартире поэта не было парадного хода, была только обычная «черная» лестница. Узкая, темная, грязная. На площадке 4-го этажа на перилах сидел человек, который назвался сотрудником финотдела. Мы показали друг другу мандаты. На дверях висела сургучная печать. Он сорвал ее и открыл двери. Вошли в «покойничью». Узенькая прихожая. Деревянная вешалка в виде столбика на четырех гнутых ножках. Какие-то пустые коробки-ящики. Больше ничего. Налево ванная. Убогий инвентарь: пустые банки, тряпки, швабра, на полу обрывки бумаги, газеты. Все в запустении. Могилая тишина.

Направо — дверь, ведущая в кабинет Блока. Небольшая комната, очень сумрачная, «два окна, в углу печь «голландка». Маленький рабочий стол с выдвигаемыми ящиками. На столе лампа. Пресс-папье. Несколько экземпляров журнала «Огонек», газеты... На стене слева от стола большая литография с карти-

ны итальянского художника Сассо Феррато «Мадонна с младенцем», виды Равенны... Ниже диван красного дерева, по сторонам его два плетеных прутьяных кресла, какие обычно в то время стояли на верандах и балконах дач и загородных имений дореволюционных помещиков и богатеев. Вероятно, они привезены были в Петербург из Шахматова, родового подмосковного имения Бекетовых.

У стены, противоположной окнам, довольно большой шкаф с книгами. Книги не только в шкафу, но и на нем, возле него, на полу. Книги. Книги. Почти на всех чернильное тавро руки поэта — «Блок».

Выдвигая ящики стола. В них бумаги. Осторожно перекалываю листы. Автографы. Автографы произведений, написанных в разные годы. В среднем ящике черновик поэмы «Двенадцать». Боже, до чего же все это просто! Бумага-то какая простая. В боковых ящиках стола — разные деловые бумаги Любови Дмитриевны: квитанции, записочки, облигации займов...

Рядом с кабинетом поэта комната его супруги. Комната совсем маленькая. У стены кровать «полутораслальная», железная, с медными шарами в изголовье и подножии. Постель не убрана. Напротив — шкаф, битком набитый книгами о Золотом искусстве. По сторонам четыре неказистых стула, туалетный столик, подножная скамеечка... На стенах репродукции с каких-то итальянских картин, разные фотографии.

Смотрел я на все и диву давался, говоря сам себе: «Здесь жил Блок в дни великого испытания его души, в дни ухода «в ночную тьму». Как здесь все просто, пусто, голод...»

Вот сегодня я вновь посетил дом этот. Он по-прежнему все тот же, но одновременно и не тот... Многие здесь переменялось. Все стало торжественнее, импозантнее.

В комнаты пришла какая-то блоковская нежность, ласка и искренняя простота.

Кроме тех двух комнат, где я был в 1939 году, где и сегодня живет тень поэта, сейчас вошли в квартиру-музей еще две дополнительные комнаты, в которых развернута экспозиция, рассказывающая о жизни и творчестве поэта, где выставлены его рукописи, письма, где звучит овеществленный рассказ о жизни поэта. В одной из комнат играет музыкальный квинтет. Приглушенно звучит музыка Скрябина, Рахманинова... Приходят паломники, звучат стихи:

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Внизу, на втором этаже, где когда-то жила мать А. А. Блока, еще четыре музейные комнаты, в которых выставлены книги Блока, книги о Блоке, произведения, посвященные его памяти...

Когда вы идете по набережным Невы, Мойки, Фонтанки,

Пряжки, вы всегда слышите мерные шаги поэта, шаги Пушкина, Маяковского, Есенина, Блока. Ленинград — это действительно город, несущий в века имя великого Ленина, но это и город его создателя Петра Великого, город и его Бояна — Пушкина, но это город и Александра Блока — одного из первых замечательных поэтов новой России, воспевшего Великую Революцию.

Покидая музей Блока, я еще раз пришел в его кабинет, и мне твердо поверилось, что в этой маленькой тихой комнатке родились рой стихов поэта, многие его шедевры, его «Двенадцать», «Скифы», драматические произведения, публицистика.

Здесь когда-то бывали гости: Анна Ахматова, Сергей Городецкий, Николай Клюев и многие другие. Они приходили к своему учителю, великому современнику, другу за добрым советом, для дружеской беседы «о подвигах, о доблести, о славе». И менее всего они обращали внимание на подробности обстановки квартиры хозяина. Но в их памяти не могла не запечатлеться скромность, порядок и удивительная тишина обстановки кабинета поэта, что в какой-то степени роднит его с кабинетом А. С. Пушкина.

Блок особенной любовью любил Пушкина. У него какое-то глубокое внутреннее родство с ним. Пушкин для Блока был непрекращаемым авторитетом. К его сочинениям он обращался постоянно, о чем бы ни думал, над чем бы он ни работал. В одном из писем к матери Блок сообщает, что он заново перечитал почти всю прозу Пушкина. Влияние Пушкина сказывается на всем творчестве Блока всех его лет. В предсмертные трагические дни 1921 года его внимание было постоянно сосредоточено на имени Пушкина. Он присутствует на многих страницах его дневника. Свое обобщающее завершение мысли о Пушкине получили в его речи, написанной в феврале 1921 года и произнесенной на торжественном собрании в петроградском Доме литераторов, посвященном 84-й годовщине со дня гибели Пушкина, и в стихотворении «Пушкинскому дому».

В своей речи Блок подчеркнул, что поэзия Пушкина утверждает совершенную личность, она синоним человечности, что Пушкин — подлинный сын гармонии, что поэтическая судьба Пушкина должна служить мерилом судьбы всякого поэта.

«Пушкинский дом» Блока — это «родной для сердца звук». Сегодня это стихотворение звучит не только как гимн Пушкинскому Дому Академии наук — центру нашего пушкиноведения, но и гимн Пушкинскому дому на Мойке, Пушкинскому дому в Михайловском и всем другим домам великого поэта, которые сегодня стали заповедными, стали народными святынями, в которых реет светлая тень «гения европейского, славы всемирной». «Пушкинский дом» Блока — это нерукотворный памятник, воздвигнутый им Пушкину.

Семен ГЕЙЧЕНКО.